

УДК 37.035.6 (470.621)
ББК 74.65 (2Рос.Ады)
К 88

Л.Н. Кубашичева

Доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и педагогических технологий факультета педагогики и психологии Адыгейского государственного университета; E-mail: kptt138@mail.ru

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ АДЫГОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье предпринята попытка актуализации историко-педагогического опыта адыгов в условиях кризисной социализации. Адыгская воспитательная система на содержательном уровне актуализирует опыт подготовки человека к жизнедеятельности, необходимый для преодоления трудностей человеческого бытия.

Ключевые слова: история педагогической культуры, культурные ценности, кризисная психология, социализация, этнопедагогика.

L.N. Kubashicheva

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogy and Pedagogical Technologies Department of Faculty of Pedagogy and Psychology, Adyghe State University; E-mail: kptt138@mail.ru

HISTORICAL AND PEDAGOGICAL EXPERIENCE OF THE ADYGHE IN THE CONDITIONS OF CRISIS SOCIALIZATION

Abstract. In the paper, an attempt is undertaken to actualize historical and pedagogical experience of the Adyghe in the conditions of crisis socialization. The Adyghe educational system actualizes, at the substantial level, the experience in the person's training for activity necessary for overcoming difficulties of human life.

Keywords: history of pedagogical culture, cultural values, crisis psychology, socialization, ethnopedagogics.

В современном мире происходит сдвиг в самосознании людей в сторону проявления интереса к собственным традициям, обычаям, ценностям, культуре, устойчивым островкам в построении человеческих отношений, позволяющим искать опору в человеческом сообществе в связи экологической угрозой, опасностью войны и т.д. Развитие государств, бурный рост информационных технологий, динамика миграционных и социальных процессов определяют необходимость изучения факторов массового

сознания и ценностных императивов, поведения, механизмов распада и консолидации. Человек ощущает, что он живёт в небезопасном мире, уменьшается оптимизм и вера в будущее. Чем выше интеллект и образованность человека, тем больше он понимает непредсказуемость жизни, её быстротечность и, как следствие, обретает желание жить «здесь и сейчас».

Сближение народов, усиление их взаимодействия – важнейшая закономерность развития современного человеческого сообщества.

Процессы глобализации мира, с одной стороны, объединяют людей в хозяйственной сфере, способствуют ускорению научно-технического прогресса, ускоряя исторические процессы, с другой – несут угрозу стирания этнического и культурного своеобразия народов, что вызывает тревогу потери уникальности этнических культур.

Обращение к историко-педагогическому опыту, к этнопсихологии может быть чрезвычайно полезным в решении современных проблем человековедения не с целью получения готовых ответов, а с целью поиска неиспользованных путей решения, неучтенных условий, обрастающих новым содержанием.

Каждая культура имеет свои источники воспитания, каждый человек укоренен в свою культуру и внутренне связан не только с историей своего народа, но и с мировой, потому знания педагогического наследия есть необходимость для тех, кто служит в образовательной сфере. Культура хранит социально-педагогический опыт, включающий светское и конфессиональное, свободное и тоталитарное, человеческое и техническое.

Развитие кризисной психологии востребовано практикой человеческой жизнедеятельности и связано с выявлением механизмов и закономерностей построения человеком своего жизненного мира. Особую тревогу вызывает дезадаптированность личности молодого человека к собственной этносреде, в том числе в форме психических расстройств и социально отклоняющегося поведения. Народная духовность, нравственность, совесть – всё это в максимальной мере проявлено в народной культуре, а в условиях нарастающего кризиса в обществе является незаменимым средством оздоровления жизни.

В конце XX-го века в стране сложилась образовательная ситуация, для которой характерны усиление процессов этнизации содержания

образования с опорой на идеи народной педагогики, создающие предпосылки этнокультурного резонанса в процессе воспитания молодого поколения. Вместе с тем принцип открытости общества, непродуманная информационная политика и содержание средств массовой информации усилили процесс воздействия западной низкопробной культуры и неподготовленность растущего поколения к критическому восприятию чужой культуры и осмыслению собственной этнической идентичности и культурного самоопределения.

В современных условиях разработка проблем этнопсихологии, адекватных культурно-исторической ситуации в России, требует изучения не только опыта, накопленного психологией при изучении непростых многообразных социальных и других процессов, но и того опыта, который накоплен этносом в этом направлении.

Кризисная психология – относительно новая, интенсивно развивающаяся сфера психологической практики. Интерес к кризисной психологии неслучаен. Он связан с безопасностью человека в современном мире, где ежедневно происходят катастрофы техногенного характера, стихийные бедствия и т.д., что вызывает нарушения психического состояния, в том числе и особое состояние – посттравматическое стрессовое расстройство. Категории жизненных кризисов и кризисов развития исследуются в рамках психологии личности и психологии развития, в этих областях предоставлена информация о возможных серьёзных неблагоприятных последствиях кризисов, связанных не с катастрофами, а с человеческими отношениями и жизнедеятельностью человека. Кризис – это некий отсчет времени до и после, поворотный пункт судьбы, это точка невозврата, в которой рушатся основы предыдущей жизни, а новой жизнью человек ещё не жил,

что требует особого подхода и психологических форм помощи человеку, его переживающему.

Адыгские пословицы подтверждают: все, что случается с человеком, строго индивидуально и процесс преодоления трудностей зависит от его собственных усилий. Это резонирует с идеями западной психологии, с экзистенциальной направленностью развития человека и встречается у народа с коллективистской основой обустройства пространства своего бытия, со своей системой родства, внутри которой зарождался индивидуалистический компонент развития человека. Общество приобретает свою настоящую нравственную значимость только в том случае, когда содействует сохранению индивидуальной добродетельности, традиции и обычаи содержат акт примирения стремления к общему благу и личного блага человека.

Данная статья – попытка осмысления этнокультурного опыта адыгов, который на содержательном уровне имеет традиции, обычаи, направленные на оказание психологической помощи в процессе социализации в кризисных ситуациях человеку, и претендует на использование потенциальных возможностей этнокультурного опыта психологической помощи. Этнокультурный опыт, его практичность и ориентированность на кризисные события повседневности, а также возможность применения (вместе или параллельно) с другими достижениями психологии и психотерапии позволяет автору рассчитывать на интерес педагогов и психологов – практиков и т. д. особенно на Северном Кавказе, где проявляется схожесть этнокультурного опыта психологической помощи.

Проявление этнопсихологических особенностей человеком в условиях «пересадки корней», т.е. кризисной социализации, проанализируем на литературном материале перечисленные выше

национально-психологические особенности представителя адыгской культуры в кризисной ситуации. На разных этапах жизни люди могут переживать психологические кризисы, оказываясь перед необходимостью выдержать новые испытания, связанные с взрослением и достижением социальной зрелости, в процессе которых важен аспект наличия смысла жизни и самопонимания. Данное положение четко прослеживается на примере образа черкешенки середины XIX-го века, описанного А.В. Дружининым в рассказе «Мадемуазель Жаннет», оказавшейся в плену. В этом рассказе показаны характерные национальные психологические особенности девочки-пленницы, находящейся в условиях кризисной социализации, оказавшейся в другой культуре, в другой социальной среде, т.е. выражаясь термином кризисной психологии, в условиях «пересадки корней».

Жизнь Жаннет мы рассмотрим в двух направлениях:

1) жизнь и социализация в этнической военизированной среде, стрессовой ситуации детства (формирование ценностных ориентаций, процесс наполнения жизни смыслом, формирование самосознания, происходившие в ситуации кризиса);

2) жизнь в мирных условиях, в другой культуре, в условиях посттравматического стрессового расстройства (обеднение эмоциональной сферы, снятие напряжения, связанного с инстинктом самосохранения и т.д.).

У войны полное пренебрежение к человеческой жизни. На период конца XVIII – середины XIX столетий всё мирное население адыгов было военизированным. Воинами были и мирные жители, в свободное от войны время они занимались земледелием и «пастушьим делом», как пишут путешественники и историки. Выражаясь термином Эриха Фромма, можно

характеризовать жизнь адыгского народа «активностью бытия». Вся активность была направлена на патриотизм, на защиту отечества, на спасение родины на фоне глубочайшей веры и надежды в победу. Надежда присуща самой жизни и, как психологическая категория, способствует жизни и росту [1]. Каждый адыг соответствовал, был тождественен, идентичен тому идеалу защитника родины, который создал его народ, тем самым сохранял гармоничные отношения с окружающей действительностью и с самим собой, ибо нарушение традиций – сильнее страха смерти. «Отвагу впитали они с молоком матери», – так можно объяснить абсолютное бесстрашие адыгов, описанное многими очевидцами. Бесстрашие, презрение смерти во имя отечества – сильное проявление высшей силы эмоций, патриотизма, которое способен проявлять человек. «Активность бытия», проявляющаяся в условиях войны, подпитывала эмоции, важные для человека. У адыгов эмоции проявлялись в избытке, поэтому традиционное воспитание строилось на выработке умения управлять собой, своими эмоциями, и это качество возводилось в ранг основных достоинств адыга, его идеала. Воинственность адыгов была направлена на самосохранение, потому проявлялась высочайшая ответственность и вера в будущее своей родины. Смыслом жизни становились любовь к родине, чувство справедливости, дух свободы, патриотизм, которые определяли их поступки, характер, шкалу ценностей и идеалы.

Черкесию называли путешественники родиной красоты. Природные условия жизни способствовали освоению черкесами различных многообразных видов деятельности. Работа на земле и «пастушье дело» активизировали деятельность человека. В этносе культивировались и возводились в ранг особых достоинств человека

его трудолюбие, соблюдение правил кодекса чести.

Наступили времена, когда защита отечества для адыга стала повседневной жизнью, «кризисная ситуация» сложилась на протяжении почти века, в условиях войны воспитывалось несколько поколений адыгов. Формирование и воспитание физически и психически здорового ребёнка стало жизненной необходимостью. Ребёнку, чтобы выжить, нужно было использовать различные возможности существования, «активность бытия» была продиктована жизнью, воспитание ребёнка в условиях войны формировало патриотизм как жизненно необходимое качество. Созданная этносом система воспитания позволяла регулировать взаимоотношения с окружающей средой, были выработаны традиции, обычаи, неписанные законы, позволяющие человеку чувствовать себя уверенно.

Образ Жаннет – образ девочки, попавшей в плен к русским в возрасте десяти лет, действия и поступки которой объяснимы чертами характера, сформированными в прошлой жизни и отражающими направленность её личности. Её субъективная деятельность объективна, т.е. реально представлена в социальной действительности. Поведение Жаннет и её поступки – не случайные ассоциации прошлого опыта, а личностные качества, отражающиеся в новых условиях жизни, востребовавшие прошлый социальный опыт, которым она уже владела. Несмотря на юный возраст, у неё уже сложившиеся сформированные убеждения, своя позиция, и именно в них она находит самоудовлетворение, что, несомненно, влияло на её последующие поступки (на войне формирование личности происходит более интенсивно, человек быстро взрослеет, ценностные ориентации несут более глубокий характер).

Жаннет в процессе кризисной социализации, порою по воле

случайных обстоятельств в отношениях с людьми, реализует резко выраженную экспрессивную особенность, что даёт ей удовлетворение и позволяет проявлять свои способности и *интегрироваться в иную культурную среду*. Она не всегда осознает мотивы своего поведения, и её поступки иногда являются неожиданными, так как они возникают в непредвиденных обстоятельствах. В некоторых её поступках проявляется честолюбие и корысть. «Жаннет избрала себе женихом доброго человека средних лет и принимала подарки не без удовольствия, рассорившись с бедным господином, пришлось отсылать назад подарки, азиатка немного поплакала, но нет сомнения, что причиной слёз были подарки, а не сама персона её бывшего жениха...» [2: 173].

Человек – существо, воплощающее высшую степень развития жизни, субъект общественно-исторической деятельности, представляющий систему, в которой психическое, физическое, генетически обусловленное и прижизненно сформированное, природное и социальное образуют нерасторжимое единство. Психология изучает развитие человека, психику, индивидуально-психологические особенности, его роли в социальной жизни, деятельности и общении. В рамках нашего исследования необходимо рассмотреть экзистенциальный подход к пониманию и самопониманию как психологических категорий.

Х.Г. Гадамер, П. Рикер и другие категорию «понимание» трактуют как универсальную способность человека, реализующуюся в его способах бытия. Бытие как философская категория – это сущее, то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Мир – это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя его, и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений, мир изменяется

действиями в нём субъекта, его активностью. Сознание и деятельность, поступки и действия в мире людей выражают подлинно человеческие способы существования, и одним из главных постулатов является понимание мира субъектом. В психологии познания понимание – мыслительная деятельность, направленная на смыслообразование. Посредством понимания субъект не только познаёт окружающий мир, но и выражает своё отношение к социальной действительности, находясь внутри бытия, он творит свою жизнь сам [3].

Важным аспектом ситуации понимания является её рассмотрение как сложно организованного субъективного образа в объективной действительности, а индивидуальная специфика понимания существенна для субъекта, познающего и осмысливающего ценности своего существования. Ценности воплощают в себе общественные идеалы, выступающие как эталон должного, выработанного общественным сознанием [4]. Ценности могут представлять собой объективированную сущность духовной и материальной культуры либо проявляться в человеческих поступках, являющихся конкретным воплощением общественного идеала. Социальные ценности на основе жизнедеятельности человека входят в психологическую структуру в форме личностных ценностей, являющихся источником мотивации её поведения, и служат связующим звеном между духовной культурой общества и духовным миром человека, между общественным и индивидуальным бытием. Система личностных ценностей складывается в процессе деятельности подхода и в распределении индивидом содержания общественных ценностей, для которой характерна высокая осмысленность, отражающаяся в сознании человека в форме ценностных ориентаций, и служит регулятором взаимоотношений и поведения.

Поведение и деятельность – две плоскости, в которых проявляется способность человека к саморегуляции. Важнейшим отличием деятельности от поведения является то, что в результате деятельности возникает продукт предметного или информационного плана, тогда как поведение, прежде всего, содержит отношение субъекта к природной и социальной действительности.

Экзистенциальный подход к пониманию личности предполагает изучение конкретных ситуаций бытия человека и целостного их понимания как одного из компонентов общения людей и осмысленного отражения разных сторон событий, явлений, ситуаций.

Современные исследователи В.Г. Крысько, Т.Г. Стефаненко, Э.Г. Саракуев и др. считают этническую идентичность частью социальной идентичности, в то же время выделяют присущие ей особенности. Этническая идентичность – это отождествление себя с определённой этнической общностью, при которой собственная индивидуальность связывается с определённой этнокультурной традицией. В процессе жизни человек обретает другие формы идентичности (религиозные, профессиональные и т.п.), но национальность и традиционное воспитание являются изначальным условием и могут определяться как фундаментальное условие процесса становления личности. Таким образом, этническая идентичность неотделима от процесса самопонимания. Понимание человеком себя как части культурно-языковой общности есть самопонимание и осуществляется изнутри социальной среды. В этой ситуации очень важно, к какой социальной общности относит себя человек, с какой позиции пытается получить ответы на жизненные вопросы [5].

В свои четырнадцать лет Жаннет совершает поступок, который мог стоить ей жизни: находясь в плену, она помогает пленнику,

представителю своего народа, не думая о последствиях, её не волновало, какие отношения сложатся среди опекающих, любящих её людей, от которых зависела её жизнь. Жаннет крепко держится за прошлое, за то, что она видела с детства: взаимопомощь, ценой которой может быть и сама жизнь. Препятствия и опасность ситуации усиливали силу её духа и не могли поменять жизнь сильных эмоций и чувств на грани жизни и смерти, прошлый опыт – идеалы народа были сильнее, чем благодарность людей, воспитывающих её. «Ко всему, решительно ко всему виденному и слышанному ею в новом месте своего жительства девица Жаннет чувствовала отвращение, смешанное с некоторой жалостью. Эти веселости, неоживлённые близостью постоянной опасности, приключения, чуждые блеску и эффекту, нравы, неоживлённые дикими проблесками энергии, казались ей утомительно вялы» [2: 176].

В. Франкл и С.Л. Рубинштейн, так как у них схожие суждения о человеческом бытии и психологии человека, рассматривают этическую категорию долженствования как способ ориентации человека в житейских ситуациях. В. Франкл отмечает отражение этих проблем в ценностно-смысловых универсалиях, описывает ценности, позволяющие сделать жизнь человека осмысленной: труд (творчество), переживания, отношения, соответственно и три типа смысла, состоящие в том, что мы осуществляем или даём миру как своё творение; состоящие в том, что мы берём как опыт; состоящие из позиций по отношению к страданию, к судьбе, которую мы не можем изменить [6].

Субъектно-деятельностные основания психологии бытия изначально построены на представлении о том, что развитие человеческой психики происходит в процессе общения людей, в диалоге субъекта с миром.

Психология индивидуализма, изучающая отдельного человека, противостоящего миру, остающегося один на один с трудностями жизни, судьбы – добром и злом, жизнью и смертью, своими желаниями и т.д., подчеркивает важность интегрированности человека [7].

В человеческой жизни бывает и так, что человек изолирован от собственных корней развития, от культуры. И.Д. Ялом называет такой модус существования человека экзистенциальной изоляцией: «Индивиды часто бывают изолированы от других или частей себя, есть более глубокая изоляция, связанная с самим существованием, изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великодушном знании себя и интегрированности. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими людьми, через которую нет мостов» [1: 400].

Историко-экономические условия, природно-социальные условия несомненно отражаются на национальных особенностях того или иного представителя этнической общности. При изучении любых этнопсихологических явлений нужно учитывать, что их носителем выступает человек, личность с характерными чувствами, мыслями, ценностными ориентациями и т.д. По мнению В.Г. Крысько и Э.А. Саракуева, своеобразие психологии народа выражается не в каких-то неповторимых психологических чертах, а скорее в неповторимом их сочетании, воплощённом в исторических традициях, предписывающих определённые формы реакций и поведения в ходе социализации. Они выделили несколько общих проблем изучения особенностей формирования национального характера. Это соотношение норм и патологии в различных культурах, исследование конкретных национально-психологических особенностей, определение значения

ранних опытов детства для формирования личности той или иной национальной общности, они также указывают на то, что западные психологи преувеличивают роль психологического фактора по сравнению с социально-экономическими. В 40-е годы XX-го столетия зарубежные этнопсихологи основные положения изучения личности свели к изучению культуры личности [5].

На ребёнка с первых дней его существования воздействует окружающая среда и культура. Раннее детство налагает свой отпечаток на человека на всю жизнь. Предметная и социальная среда оказывают определяющее влияние на психическое состояние субъекта, но это влияние не прямое, а опосредованное сознанием. Сознание приводит в соответствие бытие и субъективную деятельность, наполняя бытие смыслом. Состояние субъекта является отражением этого процесса. В области психологии смысла в отечественных и зарубежных исследованиях показаны связь смысла со значимостью для субъекта определённых явлений, действий, событий; индивидуальная неповторимость; обусловленность местом предмета или действия; зависимость построения образа мира и процесса познания мира.

Исследования влияния смысловой системы на психическое состояние человека рассматривают лишь частные феномены такого влияния. Так можно отметить в теоретическом плане исследования Д.А. Леонтьева, который предполагает, что, наряду с механизмом индукции эмоциональных состояний по «стимул-реакции», может также существовать механизм их переноса с внешних носителей по механизму «матрица-оттиск» [3].

Взаимодействие ситуации и смысловых структур приводит к формированию корреляционных образований из отдельных «ведущих» смысловых структур сознания и значимых составляющих ситуации.

Б.Г. Ананьев полагал, что изменение смысла и изменение ситуации приводят к трансформации корреляционного образования, то есть к изменению психического состояния, адекватного новым условиям жизнедеятельности. Смысловая организация сознания представляет собой «осознаваемую детерминанту» психического состояния и включает личностный смысл, смысловые установки, мотивы, потребности, личностные ценности и переживания человека [8].

«Понятие переживания, – отмечает С.Л. Рубинштейн, – выражает специфический аспект сознания; он всегда наличен в каждом реальном, конкретном психическом явлении; он всегда дан во взаимопроникновении и единстве с другим моментом – *знанием*, особенно существенным для сознания» [9: 12]. Переживания репрезентируют человеку содержание его бытия и сознания. Посредством состояний отражаются способы ориентировки во внутреннем и окружающем мире, состояния также могут переживаться и приниматься как смыслы.

Ф.Е. Василюк переживания рассматривает как деятельность, проявляющуюся при возникновении критических ситуаций, ситуаций невозможности, которые решаются процессами переживания. Переживания – «особого рода работа» по перестройке психологического мира личности и производству смысла. Переживание-деятельность активно преобразует психологическую ситуацию, устанавливая смысловое соответствие между бытием и сознанием [10].

Реальная ситуация действительности, внутри которой в сознании субъекта отражаются: а) природные условия; б) культурные и социальные факторы, состоящие из традиций, ценностей, нравов и т.д.; в) орудия труда и продукты труда; г) временные и пространственные характеристики и причинно-следственные отношения

между ними. Субъективная ситуация, по существу, входит в образ мира субъекта, который «с самого начала развивается и функционирует как некоторое целое» [11: 144]. Выделив в образе мира субъективную ситуацию, отметим, что образ мира субъекта актуализируется в образовательно-культурном пространстве, структурными компонентами которого являются образ жизни и культурная среда субъекта, что в работах А.О. Прохорова отмечено как ситуации жизнедеятельности, связанные с субъективным отношением к ним, которые определяют, в свою очередь, особенности возникновения и протекания психических состояний. Отражённая психикой совокупность элементов ситуации становится значимой для субъекта, только приобретая для него определённый смысл, а именно смысл направляет наиболее значимые факторы социализации, и «выделяется» не весь объективный мир, а лишь та его часть, которая удовлетворяет смысловую сферу субъекта. Необходимо отметить, что совокупность явлений преобразуется в ситуацию только в связи с актуальной позицией самого субъекта, т.е. наличием психологической готовности, имеющей потребностный характер по отношению к ситуации [12].

Нами рассмотрены такие категории психологии, как «понимание», «самопонимание», «смыслообразование», «переживание», «ситуации понимания», «субъект» для обоснования процессов индивидуализации и интеграции в новую социокультурную среду Жаннет и выявления этнопсихологических особенностей социализации в кризисной ситуации.

Несмотря на изменившиеся условия жизни её содержания, у Жаннет были собственные ценности и смыслы, ради которых она рисковала жизнью. Конечно, новые непривычные условия жизни меняли и наполняли её внутренний

мир, но в прошлой жизни круг её деятельности охватывал тяжкий и непосильный детский труд, который позволял выжить в условиях жесточайшей войны. Жаннет обладала сложившимся характером, с определённым отношением к новым условиям жизни: несмотря на юный возраст, она была яркой индивидуальностью, не понятной для остальных.

Темперамент и характер Жаннет проявлялись в повседневной жизни в действиях, поступках, поведении, и для окружающих не всегда они были понятны, скорее всего, они были неожиданны. Её прошлое отличалось от настоящего тем, что она с детства постоянно находилась в состоянии борьбы, она видела войну в раннем детстве, помогала старшим заряжать ружье, видела кровь и привыкала к утратам. Она видела раненых, ежедневно видела смерть, отвага в ней выработалась самой жизнью. «А между тем план побега уже созрел в голове эфенди Абдаллахова. Верной помощницей его намерения была не кто иная, как мадемуазель Жаннет, едва успевшая перемолвить с ним в течение всего вечера 2–3 слова по-татарски... На улице посреди утреннего сумрака встретил Жаннет (Абдаллахов. – Л.Н.) с добрым конём на поводу и полным оружием в левой руке, тихо проехал к речке и, руководимый последовавшей за ним девицей, перебрался вброд... Мадемуазель Жаннет между тем ожидала, что её, по крайней мере, расстреляют или кинут в воду, но такая перспектива её не страшила» [2: 166].

Жаннет не готова была принять эту жизнь в другой культуре, полную покоя и повседневности, «пресной», опекаемой, она её не принимала в силу чувства свободы духа, проявления воли, её эмоции не находили источника. Её отношение к окружающим имело объективную основу, она не могла отречься от опыта, выработанного самой

природой своего рождения. Выбор поступков Жаннет не связан с теми, кому она обязана жизнью, она живёт собственными представлениями о храбрости, мыслями о самой себе и своими возможностями, стремлением к идеалу, и здесь нельзя недооценивать роль подражания героям войны, воспетым её народом.

В некоторых коллективистских культурах существует особый вид мужества, который свойственен устойчивому коллективизму (М. Мид). Это мужество создаётся, формируется посредством множества внешних и внутренних действий и символов. Постоянная военная ситуация вызвала к жизни у адыгов необыкновенный патриотизм, который опирался на умение защищать свои земли и родных, на необычайное мужество, что позволяло преодолевать страх смерти, и мужественны были не только мужчины, но и женщины и дети.

Новые условия жизни Жаннет были размеренны, необычно устойчивы, ей предъявлялись требования общества, в котором ей пришлось социализироваться, нравы которого ей были непонятны. «Если б одни кавказские побуждения наполняли душу молодой Жаннет, она бы потосковала два – три дня, а потом забыла обманщика, но времена были не те: девушка умела читать, прочла два или три романа, да к тому же ещё слышала разговоры дам и девиц о любви, о женской преданности и так далее. Дикая натура увлекла её к израненному, оборванному, перепачканному кровью татарину...» [2: 167].

Трагичность её нового положения заключалась в том, что она не была готова к сытой и мирной жизни, её влекла другая жизнь, именно в той другой жизни она могла найти себя, несмотря на препятствия и непонимание близких ей людей, которым должна быть благодарна, она шла своим путём.

Отношение к этничности (или её признакам) играет существенную

роль в психической адаптации человека к его внутренней и внешней среде. Психическая адаптация и социализация определяются активностью личности и функциональным приспособлением к условиям среды. Процесс адаптации к новым условиям (культурным и психологическим) у Жаннет проходил с использованием прошлого опыта и её ценностных установок.

Жаннет удивляла приёмных родителей своим трудолюбием, никто от неё не требовал той физической привычной для неё работы, а она, «приученная в ауле к самым трудным работам, даже находя в них наслаждение, уходила в конюшню и вымалывала у кучера позволения вычистить верховую лошадь, то, дождавшись, когда Мальшевский приходил с охоты, утаскивала его ружье, бежала к речке, отвинчивала стволы и с большим искусством промывала их, не думая о том, что совершенно портила своё платье во время операции. Один раз супруги, сидя у окна, с удивлением заметили большую кучу сена, которая будто сама без посторонней помощи подвигалась по направлению к конюшне. Догадавшись, в чем дело, Мальшевский выбежал на крыльцо и заметил Жаннет, совершенно зарытую влекомой ею вязанкою, по огромности своей годной разве для взрослого мужчины. Дело в том, что накануне полковник жаловался на скудость трав и журил своего конюха за беспечность к запасам. Мадемуазель Жаннет, услышав про это, решила пособить горю, и украла сено у соседа» [2: 169].

В силу сказанного Жаннет не могла вести себя «как должно», бездушно следовать указаниям, правилам новых условий жизни, её удовлетворяла реализация потребностей прошлого опыта, без чего сама жизнь теряла смысл и становилась невозможной. Блестящее будущее с точки зрения опекунов Жаннет отвергала, это был психологический конфликт, положительное решение

которого для неё невозможно и болезненно. «Напрасны были все его (Мальшевского. – Л.Н.) труды и все увещевания; гонения только придавали новый драматический интерес предприятиям неугодной черкешенки. Наконец, он даже перестал сердиться – новый чрезвычайно оригинальный случай показал ему, что иногда против врождённых инстинктов бесполезен всякий гнев и всякая строгая мера. ...Вдруг в одну ночь Жаннет попросила в свою комнату свечу и, разложив на полу неизвестно где добытую материю и галуны, принялась шить и стегать с рвением художника над своей первой картиной, к приезду полковника бешмет был кончен и ему представлен: работа оказалась прочной и достойной похвалы...» [2: 171].

«Гнев Мальшевского, как гнев всех истинно добрых людей, казался ужасным и несокрушимым... – Всё кончено, говорил Мальшевский: все наши планы рушились, все наши заботы не привели ни к чему. – Она забудет Пашина, возражала жена. – Мы приищем ей красивого жениха... – Кончено с женихами, отрывисто произнес Мальшевский: готовься хоронить свою Жаннету...!». Полковник был прав, переупрямить девушку оказалось невозможно, им пришлось сыграть свадьбу Жаннет и урядника Пашина. Как ни старались Мальшевские выдать замуж Жаннет по своему усмотрению, у них ничего не получилось.

Приведенные характерные черты Жаннет убедительно показывают силу её духа, сформированного в условиях войны, это человек с раннего возраста приученный к труду, реализующий себя в деятельности человек, для которого деятельность – особая ценность жизни. Радикальные изменения её социальной жизни в кризисной ситуации сделали возможным проявления этнических особенностей характера (инициативность,

самостоятельность, ответственность и т.д.), а также проявления субъектности деятельности, когда человек проявляет особенности собственной мотивации деятельности, свои способности, предельно индивидуализированные. Жаннет, как субъект деятельности, проявила в адаптационный период жизни в другой культуре качественно определённый способ самоорганизации (не по годам), использование своих возможностей по отношению к объективным и субъективным задачам жизнедеятельности в новых условиях.

Отметим, что концепция С.Л. Рубинштейна по обоснованию принципа самодеятельности субъекта и анализа сознания и деятельности отражает представление о «действующем лице» творящем, деятельность как о субъекте собственной активности и источнике причинности бытия. Деятельность преобразует объект в целях субъекта и имеет внутреннюю структуру – цели, мотивы, направленность личности, т.е. субъект становится активным созидателем собственной жизни благодаря внутренним психическим основаниям, определяющим и направляющим эту деятельность [9]. Жаннет, проявляя субъектность в деятельности, преобразовывая «внешнее человека через внутреннее», преобразовывалась и

сама, но сохраняя свою индивидуальность и этнические особенности. Категория субъекта позволяет обратиться к целостному изучению человека, способствует объединению разрозненных аспектов в изучении индивидуальности (темперамента, характера, мотивации и направленности) в интегративную индивидуальность человека, открывает возможность изучения поведения, деятельности, сознания как опосредованные внутренним миром человека, его субъектными выборами и предпочтениями, его активным построением собственной картины мира.

Необыкновенно проявленная сила духа, стойкость желаний, проявление собственной воли подтверждают психологические особенности *черкешенки*, её открытость новому опыту в процессе конструирования своего нового образа мира в условиях кризисной социализации. Вспомним мысль Н.И. Сообцоковой: «Статус одного из древнейших народов мира обязывает адыгов ко многому: возродить прекрасные традиции и обычаи народа, духовную и материальную культуру, сделать всё возможное, чтобы с лица земли не исчез бесследно народ, коренное население которого безнадежно сокращается и тает...» [13: 48]. Наше скромное исследование – дань этому изречению.

Примечания:

1. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999. С. 400.
2. Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1992.
3. Леонтьев Д.А. Динамика смысловых процессов // Психологический журнал. 1997. № 6. С. 13-27.
4. Салихова Н.Р. Взаимосвязь психических состояний с характеристиками ценностно-смысловой сферы личности // Психология психических состояний: сб. ст. / под ред. А.О. Прохорова. Казань: ЦИТ, 2004. Вып. 5. С. 141-157.
5. Стефаненко Т. Этнопсихология: учебник для высших учебных заведений. М., 2000.
6. Фромм Э. Душа человека. Минск: Республика, 1992.
7. Пушкарев А.Л., Доморацкий В.А., Гордеева Е.Г. Посттравматическое стрессовое расстройство. М., 2000.
8. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980.

9. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
10. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во МГУ, 1984.
11. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 144.
12. Прохоров А.О. Смысловая детерминация психических состояний // Психология психических состояний: сб. ст. / под ред. А.О. Прохорова. Казань: ЦИТ, 2004. Вып. 5. С. 11–28.
13. Сообцокова Н.И. Адыги, черкесы (люди, нравы, обычаи и традиции). Майкоп: Качество, 2009.
14. Кук Дж. Путешествие и странствия по Российскому государству, Татарии и по части Персидского королевства // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов 13–19 вв. Нальчик, 1974.
15. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995.

References:

1. Yalom I.D. Existential psychotherapy. M.: Class, 1999, P. 400.
2. Sukunov Kh.Kh., Sukunova I.Kh. A Circassian girl. Maikop: RIPO Adygheya, 1992.
3. Leontyev D.A. Dynamics of semantic processes // Psychological Journal. 1997. No. 6. P. 13–27.
4. Salikhova N.R. The relationship of mental states with the characteristics of value-semantic sphere of a person // Psychology of mental states: coll. of art. / ed. by A.O. Prokhorov. Kazan: TsIT, 2004. Iss. 5. P. 141–157.
5. Stefanenko T. Ethnopsychology: a textbook for higher schools. M., 2000.
6. Fromm E. The human soul. Minsk: Respublika, 1992.
7. Pushkarev A.L., Domoratsky V.A., Gordeeva E.G. Post traumatic stress disorder. M., 2000.
8. Ananyev B.G. Selected psychological works: in 2 v. M.: Prosveshchenie, 1980.
9. Rubinstein S.L. A man and the world. M.: Nauka, 1997.
10. Vasilyuk F.E. Psychology of experience (analysis of overcoming crisis situations). M.: MSU, 1984.
11. Smirnov S.D. Psychology of the image: the problem of the activity of mental reflection. M.: MSU publishing house, 1985. 144 pp.
12. Prokhorov A.O. The semantic determination of mental states // Psychology of mental states: coll. of art. / ed. by A.O. Prokhorov. Kazan: TsIT, 2004. Issue 5. P. 11–28.
13. Soobtsokova N.I. The Adyghes and the Circassians (people, habits, customs and traditions). Maikop: Kachestvo. 2009.
14. Cook J. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary and part of the kingdom of Persia // The Adyghes, Balkars and Karachais in proceedings of the European authors of the 13–19 centuries. Nalchik, 1974.
15. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology. Introduction to the psychology of subjectivity. M.: School Press, 1995.